

УДК 343.137.2

*Ж. А. Шилко**старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Могилевского института МВД (Беларусь)*

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Согласно ч. 1 ст. 452 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), к числу условий для осуществления ускоренного производства относится ситуация, при которой известно лицо, подозреваемое в совершении преступления. Помимо этого, возводя данное условие в определенную степень, которая позволит применить ускоренное производство как особую уголовно-процессуальную форму, белорусским законодателем предъявляется дополнительное требование: лицо не должно отрицать совершения им этого преступления. Далее, в частях 3 и 4 ст. 452 УПК, законодатель сужает употребляемую формулировку до «лица, не отрицающего совершения преступления», и вновь возвращается в ч. 1 ст. 454 УПК к «лицу, подозреваемому в совершении преступления и не отрицающему его совершения», ведя речь о моменте предъявления обвинения.

Анализ данной терминологической конструкции позволяет констатировать неоднозначность и неразрешенность ситуации по законодательному закреплению правового положения лица, совершившего преступление, в отношении которого осуществляется уголовное преследование при ускоренном производстве. Для более детального уяснения этих двух особенностей правового положения рассматриваемого ключевого участника уголовного процесса на досудебном этапе ускоренного производства предлагаем рассмотреть их поочередно.

Так, в сферу уголовно-процессуальной деятельности до принятия решения о возбуждении уголовного дела при ускоренном производстве вовлекается участник, чьи конституционные права и обязанности затрагиваются либо могут быть существенно затронуты, однако содержательно их перечень в УПК не закреплён. Представляется, что фактически имеется в виду участник, в отношении которого ведётся избобличительная деятельность, и практически он подвергается уголовному преследованию в связи с наличием данных о совершении им преступления [1]. Однако при этом данный участник не является подозреваемым в буквальном смысле уголов-

но-процессуального закона, и, более того, его правовое положение вообще не каким образом в УПК не оговорено.

Разумеется, что, употребляя в ч. 1 ст. 452 УПК понятие «лицо, подозреваемое в совершении преступления», законодатель не имеет в виду подозреваемого. Лицо, подозреваемое в совершении преступления по смыслу ч. 1 ст. 452 УПК, и подозреваемый, правовой статус которого закреплен в ст. 40 и 41 УПК, — это разные процессуальные фигуры [2, с. 11]. Как известно, лицо, совершившее преступление, приобретает статус подозреваемого, согласно ст. 40 УПК, в одном из четырех случаев: при задержании по подозрению в совершении преступления; при возбуждении уголовного дела органом уголовного преследования в отношении данного лица; при вынесении постановления о применении меры пресечения до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого либо вынесения постановления о признании подозреваемым [3].

Если правовой статус подозреваемого детально регламентирован вышеуказанными нормами, то применительно к лицу, в отношении которого осуществляется ускоренное производство, по крайней мере, до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, УПК оставляет вопрос о его правовом статусе не разрешенным. Никаких упоминаний о правах и обязанностях такого лица в специальной уголовно-процессуальной норме, регламентирующей порядок ускоренного производства (ст. 452 УПК), не содержится. Как справедливо отмечает И. В. Данько: «Несмотря на возможность применения мер принуждения, данное лицо, согласно Закону Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 93-З, право на приглашение адвоката также не приобрело. При этом, по всей видимости, здесь адвокат должен выступать в качестве защитника, так как в отношении его клиента практически осуществляется уголовное преследование» [4].

Однако отметим, что, оттеняя обвинительный характер досудебного производства в отечественном уголовном процессе, ч. 4 ст. 452 УПК все-таки позволяет применить в отношении лица, не отрицающего совершения преступления, иные меры принуждения в виде обязательства о явке и привода. Иными словами, такое лицо обязано, как минимум, являться по вызовам следователя и сообщать ему о перемене места жительства, а в случае неявки может быть подвергнуто приводу. На вторую чашу весов в качестве гарантированных прав такого лица в пару к озвученным обязанностям можно положить лишь права, вытекающие из конституционных принципов уголовного процесса и общих правил УПК, определяющих порядок производства.

На имеющуюся объективную необходимость регламентации правового статуса лица, в отношении которого осуществляется ускоренное производство до возбуждения уголовного дела, указывают результаты анкетирования следователей Следственного комитета Республики Беларусь и сотрудников территориальных ОВД Республики Беларусь, проходивших повышение квалификации в Могилевском институте МВД в 2018–2019 гг. Так, согласно данным анкетирования, исходя из сложившейся правоприменительной практики, до возбуждения уголовного дела в отношении (с участием) лица, подозреваемого в совершении преступления и не отрицающего совершения преступления, проводились освидетельствования (30 % и 20 % от опрошенных соответственно), назначение и проведение экспертиз (3,8 % и 21,5 %), получение образцов для сравнительного исследования (17,7 % и 6,2 %), задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления (16,9 % и 7,7 %). Полагаем, что комментировать ситуацию с невозможностью разъяснения прав и обязанностей лицу, подозреваемому в совершении преступления и не отрицающему совершения преступления, здесь излишне.

В этой связи определенный интерес представляет содержание ч. 1¹ ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), согласно которой лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, а также обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы: не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ; пользоваться услугами адвоката; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ [5].

Конечно, в случае производства предварительного расследования лицо, совершившее преступление, прежде чем «трансформироваться» в обвиняемого, в обязательном порядке проходит этап пребывания в статусе подозреваемого. При ускоренном производстве, как правило, только при

принятии решения о возбуждении уголовного дела, которое в соответствии с положениями ч. 1 ст. 454 УПК, принимается на этапе окончания ускоренного производства, подозреваемый появляется на весьма непродолжительное время, фактически сразу «превращаясь» в обвиняемого. То есть воспользоваться в полной мере появившейся возможностью реализации своих прав подозреваемый при ускоренном производстве фактически не имеет.

В связи с указанным обстоятельством, в очередной раз остро ощущается необходимость процессуального обозначения принятия решения о начале ускоренного производства. Четкое процессуальное определение начала ускоренного производства, на наш взгляд, позволило бы однозначно точно определить момент появления ключевого участника ускоренного производства и момент появления у данного участника возможности реализации своего процессуального статуса. Важное значение акта начала ускоренного производства можно подчеркнуть как для органов, осуществляющих ускоренное производство, так и для лица, подозреваемого в совершении преступления.

Переходя ко второй составляющей терминологической конструкции «лицо, подозреваемое в совершении преступления и не отрицающее его совершения», считаем важным обратить внимание на следующее. В предыдущей редакции ч. 1 ст. 452 УПК в части, касающейся рассматриваемого нами участника ускоренного производства, вместо слов «не отрицающее его совершения» употреблялось словосочетание «не отрицающее своей причастности к совершенному преступлению». Как представляется, сделать вывод о наличии такого дополнительного условия применения ускоренного производства, как «причастность», возможно было только в тех случаях, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, подтвердило следователю свою причастность к общественно опасному деянию [2, с. 11]. Считаем, что в данном случае толкование понятия «причастность» должно было использоваться в узком значении: лицо имеет непосредственное отношение к совершению преступления, то есть является фактическим его исполнителем. Полагаем, что в таком случае использованный в ч. 1 ст. 452 УПК термин «причастность» подразумевал факт совершения преступления данным лицом.

Представляется, что в нынешнем контексте под понятием «лицо, не отрицающее совершения им этого преступления» следует понимать ситуацию, при которой на момент принятия решения о начале ускоренного производства, должностное лицо органа уголовного преследования обладает достаточными и достоверными данными, подтверждающими совершение

преступления конкретным лицом, причем данное лицо, как правило, поставлено в известность о начале уголовного процесса по факту совершенного им деяния. Кроме этого, возникшее подозрение основывается на совокупности фактических данных, указывающих с высокой степенью вероятности на совершение конкретным лицом деяния, содержащего признаки преступления [6]. Такое содержание коррелирует с внутриотраслевой унификацией используемой терминологии (например, п. 2 ч. 1 ст. 108 УПК: «...прямо укажут на данное лицо как на совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние...»).

На основании изложенного представляется целесообразным в ситуации с ускоренным производством наличие как минимум двух критериев, подтверждающих наличие подозрения в отношении лица, совершившего преступление: фактический вывод (предположение, умозаключение) о причастности лица к совершению преступления на основании имеющихся фактических данных и официальное (процессуальное) оформление такого утверждения. При доведении до сведения лица такого вывода, на наш взгляд, можно было бы говорить о моменте появления у него правового статуса, пусть даже с такой терминологически сложной конструкцией.

Таким образом, на протяжении длительного периода времени в правоприменительной практике имеет место ситуация, при которой лицо, совершившее преступление, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальная деятельность в рамках ускоренного производства, в частности, осуществляется уголовное преследование, не имеет полноценной возможности реализовать свои права и обязанности, в том числе конституционные, в первую очередь право на защиту и квалифицированную юридическую помощь. Указанные обстоятельства требуют дальнейшего научного осмысления и разработки конкретных предложений по совершенствованию законодательной регламентации правового положения лица, в отношении которого осуществляется ускоренное производство до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Перед нами не ставилась задача глубокого анализа всех составляющих правового статуса лица, в отношении которого начато ускоренное производство, для унификации со статусом подозреваемого. Вместе с тем детальная законодательная регламентация прав и обязанностей данного лица, безусловно, назрела.

1. Довгун С. И. История становления института подозреваемого в уголовном процессе // Научные труды Могилевского филиала БИП: Право. Политика. Экономика / БИП — Институт правоведения ; редкол.: Л. И. Василевский [и др.] ; под общ. ред. А. А. Скикевича. Вып. 17. Могилев : МФ ЧУО БИП, 2013. С. 42–47. [Вернуться к статье](#)

2. Данько И. В., Рожко О. В. Ускоренное производство : лекция. Минск : Акад. МВД, 2012. 30 с. [Вернуться к статье](#)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Данько И. В. Адвокат свидетеля: новелла уголовно-процессуального законодательства // Предварительное расследование. 2018. № 1. С. 44–49. [Вернуться к статье](#)
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : по сост. на 30 янв. 2020 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Свиридов Д. А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики незаконной предпринимательской деятельности // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика : сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов и студентов. Брянск : РИО БГУ им. академика И. Г. Петровского, 2018. С. 160–164. [Вернуться к статье](#)